

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

СССР

Жизнь после смерти

Под редакцией
ИРИНЫ ГЛУЩЕНКО,
БОРИСА КАГАРЛИЦКОГО,
ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 316.334.3

ББК 60.56

С76

институт глобализации
и социальных движений

rls

Фонд Розы Люксембург
Филиал в России

Рукопись подготовлена в рамках исследовательской программы Института глобализации и социальных движений при поддержке Фонда Розы Люксембург

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент

доктор философских наук,

профессор НИУ ВШЭ

ЛЕОНИД ИОНИН

С76 **СССР: Жизнь после смерти** [Текст] / под ред. И. В. Глуценко, Б. Ю. Кагарлицкого, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 304 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0977-7 (в пер.).

Книга основана на материалах конференции «СССР: жизнь после смерти» и круглого стола «Второе крушение: от распада Советского Союза к кризису неолиберализма», состоявшихся в декабре 2011 г. и январе 2012 г. Дискуссия объединила экспертов и исследователей разных поколений: для одних «советское» является частью личного опыта, для других — историей. Насколько и в какой форме продолжается жизнь советских социально-культурных и бытовых практик в постсоветском, капиталистическом обществе? Является ли «советское наследие» препятствием для развития нового буржуазного общества в России или, наоборот, элементом, стабилизирующим новую систему? Оказывается ли «советское» фактором сопротивления или ресурсом адаптации к реальности неолиберального порядка? Ответы на эти вопросы, казавшиеся совершенно очевидными массовому сознанию начала 1990-х годов, явно должны быть найдены заново.

УДК 316.334.3

ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-0977-7

© Оформление. Издательский
дом Высшей школы
экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Б. КАГАРЛИЦКИЙ. ЗАГАДКА СОВЕТСКОГО СФИНКСА.....	8
--	---

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

И. ГЛУЩЕНКО. ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ИЗУЧЕНИИ «СОВЕТСКОГО»	17
Е. ДОБРЕНКО. О СОВЕТСКИХ СЮЖЕТАХ В ЗАПАДНОЙ СЛАВИСТИКЕ	27
А. ШУБИН. СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И СОВЕТСКАЯ ТРАДИЦИЯ	35

II. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ: СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ

П. КУДЮКИН. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КВАЗИОБЩИНА КАК ЦЕНТР ЖИЗНЕННОГО МИРА.....	44
Т. КРУГЛОВА. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ»	55
Р. АБРАМОВ. МАССОВОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (на примере анализа воспоминаний жителей микрорайона Западная Поляна города Пензы)	67

III. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И ПОСТСОВЕТСКИЙ МИР

Е. ГАЛКИНА. РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XXI ВЕКА И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ ..	80
--	----

О. КИЛЬДЮШОВ. СССР КАК МАШИНА
ПО ПРОИЗВОДСТВУ НАЦИЙ: ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА (с примерами из советского спорта) . . 89

О. НЕМЕНСКИЙ. СОВЕТСКИЙ МУЛЬТИ-
НАЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (СССР
и Российская Федерация как фабрика наций) 103

IV. СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

А. РЯБОВА. СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ОБ ОХРАНЕ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ
И СОВРЕМЕННОСТЬ: АРХЕОЛОГИЯ ПАМЯТИ
ИЛИ КРИТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ? 111

М. ВАГИНА. СОВЕТСКИЙ СПОРТ
И ПОЛИТИКА РЕКОРДА 119

А. ПАВЛОВ. «ВИДЕОДРОМ»: ФОРМИРОВАНИЕ
ВИДЕОКУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В 1980–1990-е ГОДЫ 137

А. ГАНЖА. ЗВОНКОЕ, ГЛУХОЕ,
ТРАВЕСТИЙНОЕ: ТЕМБРОАКУСТИЧЕСКОЕ
КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЭТОСА . . . 160

V. РОЖДЕННОЕ В СССР: СТАНОВЛЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

И. КУЛИКОВ. ВЕЩЬ В СОВЕТСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИЗМЕНЕНИЕ
ЗНАЧЕНИЙ И ФУНКЦИЙ 172

Г. БАСАНГОВА. ПСИХОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО
ПОКУПАТЕЛЯ 1960-х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ
ПОВЕСТИ А. РЫБАКОВА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОША» 190

Е. КУЖЕЛЬ. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В 1960–1970 гг.
В ПУБЛИКАЦИЯХ ПРЕССЫ И ПИСЬМАХ
ЧИТАТЕЛЕЙ 199

М. МИРСКАЯ. АВТОМОБИЛЬ В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ	209
---	-----

VI. СССР СЕГОДНЯ

П. МАЗАЕВ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	216
Е. ПОДШИВАЛОВА. «СОВЕТСКИЕ» БРЕНДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ.....	226
А. КАРПОВА. ВОПЛОЩЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МЕЧТЫ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБЩЕПИТЕ	235
И. ГЛУЩЕНКО. «КРАЙ, ГДЕ НИ РАЗУ Я НЕ БЫЛ...».....	244

VII. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ «ВТОРОЕ КРУШЕНИЕ»

Т. ВОРОЖЕЙКИНА. «ВТОРОЕ КРУШЕНИЕ» ИЛИ ХОЖДЕНИЕ ПО КРУГУ?	257
А. ОЧКИНА. ТЕНЬ СССР, ИЛИ УРОКИ ПРИКЛАДНОЙ ДИАЛЕКТИКИ.....	270

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В. КУРЕННОЙ. «СОВЕТСКОЕ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА.....	294
--	-----

Предисловие

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

ЗАГАДКА СОВЕТСКОГО СФИНКСА

Двадцать лет — значительный срок, позволяющий говорить о прошлом уже не в категориях личного опыта или текущего процесса, а в категориях именно Истории. За это время вырастает поколение, не знавшее обсуждаемых событий, не заставшее и не пережившее их. Такой слом произошел в Советском Союзе, когда в середине 1960-х появилось поколение, не заставшее войны, а еще раньше — во второй половине 1930-х, когда стали взрослыми люди, никогда не видевшие революцию (не случайно Сталин именно в 1937 г., к двадцатилетию Октября, решил пустить под нож «старых большевиков» — костяк революционного поколения). Сегодня же историей становится уже сам Советский Союз. Время, прошедшее с момента распада СССР, позволяет взглянуть на советскую повседневность с некоторой степенью отстраненности и, пользуясь термином Б. Брехта, «очужденно», преодолев идеологические и политические штампы, которыми зачастую нагружена дискуссия о советском.

Однако двадцатилетие с момента события — это еще и время, когда продолжение начатого в прошлом процесса столь же очевидно, как и дистанция, которая нас от него отделяет. Да, с одной стороны, выросла новая молодежь, сложились новые общественные отношения, образ жизни, практика, культура. А с другой — люди, жившие в том другом обществе, все еще активны, многие из них по-прежнему молоды. Александр Дюма не случайно дал своим мушкетерам пере-

рыв в двадцать лет, чтобы потом опять собрать их для новых подвигов. Самое время применить в изменившихся условиях знания, навыки и опыт, накопленные в прошлую эпоху.

Два десятилетия, прошедших с момента крушения СССР, создали такую историческую и культурную дистанцию, которая помогает не только по-новому — более объективно и спокойно — взглянуть на случившееся, на весь советский период и различные его этапы, но и снова приблизиться к ушедшему времени, осознав, что оно оставило после себя много элементов, по-прежнему работающих и развивающихся в новом, радикально изменившемся мире.

В конце концов, любой юбилей, любая годовщина — это повод поразмышлять о событии, достойном того, чтобы о нем думали и говорили даже и без такого повода. А потому в декабре 2011 г. Институт глобализации и социальных движений (ИГСО) вместе с отделением культурологии философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) решили провести конференцию «СССР: жизнь после смерти». Интерес к этой инициативе превзошел ожидания организаторов. Заявок на выступление оказалось так много, что, даже ограничив их число, мы вынуждены были заменить первоначально планировавшийся скромный однодневный семинар двухдневной конференцией.

Буквально в то же время Валерий Анашвили выступил куратором художественного проекта «Искусство памяти», представленного на площадке Artplay в январе 2012 г. Живопись Влада Юрашко и Вики Шумской, посвященная все той же годовщине распада СССР — «великому разрыву» 1991 г., требовала обсуждения не только искусствоведческого. Было решено в рамках выставочного проекта продолжить дискуссию, начатую на площадке НИУ ВШЭ. Результатом стали еще два круглых стола: «СССР сегодня» и «Второе крушение: от распада Советского Союза к кризису неоли-

берализма». Итогом четырехдневных дебатов стала данная книга, издание которой было поддержано московским отделением Фонда Розы Люксембург.

Материалы этих дискуссий отразили взгляды разных поколений. С одной стороны, здесь выступают эксперты, для которых «советское» является не только предметом изучения, но и частью собственного жизненного опыта, а с другой — в книге представлены работы молодых исследователей, принадлежащих уже к постсоветскому поколению. Сопоставление этих двух взглядов выявляет не столько контраст, сколько культурное различие. Зачастую молодые люди прибегают к своего рода культурной археологии, обнаруживая в собственной жизни, практике и опыте следы советской системы, которые при менее пристальном взгляде были просто неразличимыми. В то же время, обращаясь к советскому прошлому, они очень четко фиксируют культурную и социальную дистанцию, рассматривая взятый материал именно как часть истории.

В заключительной части книги помещены материалы круглых столов, проходивших на площадке Artplay, где в значительной мере разговор шел о том, как «советское» воспринимается сегодня. Кризис 1990-х годов, положивший конец существованию СССР, на фоне нового кризиса, поразившего мир и Россию после 2008 г., воспринимается уже не просто как историческое событие или эпизод в коллективной биографии старших поколений, но и как своеобразная модель институционального и социального распада, изучение которой оказывается в высшей степени актуальным и поучительным в новых условиях. Мы второй раз за 20 лет наблюдаем кризис и крушение общественных институтов.

Обобщая итоги дискуссии, можно сказать, что одинаково рано говорить и об окончательном разрыве с СССР, и о его непреодолимом присутствии в современной России. Основной задачей наших встреч являлось исследование советских социально-культурных

практик с точки зрения постсоветского опыта. Именно культурологический подход и сосредоточение на проблемах повседневного бытия позволяют в значительной мере освободиться от политической тенденциозности, что, впрочем, отнюдь не означает, будто подобный угол зрения исключает постановку общественно значимых тем и вопросов.

Ключевой вопрос, который ставился перед участниками конференции, состоял в том, насколько и в какой форме продолжается жизнь советских социально-культурных и бытовых практик в постсоветском, капиталистическом обществе. Что с ними происходит? Они: сохраняются/развиваются; адаптируются/трансформируются; вырождаются/разлагаются; исчезают/преодолеваются? Является ли «советское наследие» препятствием для развития нового буржуазного общества в России или, наоборот, элементом, стабилизирующим новую систему, позволяющим избегать катастрофических драм, характерных для других стран периферийного капитализма (что можно было наглядно видеть на протяжении тех же двух десятилетий). Оказывается ли «советское» фактором сопротивления или ресурсом адаптации к реальности неолиберального порядка? Что это — груз, который мешает нам идти вперед, или запас прочности, защищающий нас от краха? Насколько авторитарен или демократичен советский опыт? Насколько он прогрессивен или консервативен? Ответы на эти последние вопросы, казавшиеся совершенно очевидными массовому сознанию начала 1990-х годов, явно должны быть найдены заново, ибо на фоне случившегося с нами за прошедшие годы обнаруживается, насколько противоречива и парадоксальна (точнее — диалектична) история.

В конце советского периода интеллигенция, да и значительная часть рабочих протестовали против косности и недемократичности советских политических и общественных структур и были, несомненно, правы в своем протесте. Но два десятка лет спустя мы можем

оценить и другую — демократическую — сторону советского опыта, состоявшую в социальной открытости и общедоступности многих институтов — от системы образования до нижних звеньев бюрократии, от механизмов карьерного роста до структур, проводивших культурную политику и выступавших в одно и то же время в роли душителей (по отношению к свободному творчеству художников) и просветителей (по отношению к народу в целом, создавая для этих самых художников аудиторию и возможности, немислимые ни в каком прежнем обществе).

Наблюдая за тем, как многие элементы советской социальной практики успешно интегрируются в новую капиталистическую реальность (причем одновременно и в форме практик адаптации, и, как ни парадоксально, гораздо реже, в форме практик сопротивления), можно заново переосмыслить вопрос о советской специфике, одновременно обратившись к истокам многих элементов советской общественной организации, которые мы можем найти как в дореволюционной России, так и в индустриальных обществах Запада.

В то же время при рассмотрении «советского» необходимо осознать неоднородность соответствующего социального опыта, анализируя его исторически: жизнь в СССР менялась на протяжении семи с лишним десятилетий, отражая экономические и политические перемены, происходившие в стране. Таким образом, «советское» можно, разумеется, рассматривать как некую историко-культурную целостность, но ни в коем случае не как некое неизменное и единое «целое», как это делают зачастую авторы, сводящие всю историю советского общества к «тоталитаризму», или, напротив, публицисты, ностальгирующие по «утраченной великой стране». Ни «величие», ни «тоталитаризм» не только не описывают всего многообразия советского исторического опыта, но, что гораздо важнее, и не объясняют его, не давая даже теоретически убедитель-

ного объяснения собственным констатациям (почему и в чем СССР был тоталитарным, почему и в чем он был великим, и как одно связано или, наоборот, находится в противоречии с другим).

Подобный историко-культурный взгляд на СССР позволяет нам не только лучше понять собственное недавнее прошлое, но и лучше разобраться в своем настоящем, преодолев соблазн механически приписывать проблемы и противоречия, специфические для современного российского капитализма, «советскому наследию». В действительности речь идет не о том, как «советское наследие» «деформировало» развитие постсоветского капитализма, но о том, почему и как сам новый капитализм для своего развития заимствовал, трансформировал и деформировал «советское наследие» на уровне культуры и повседневных практик.

Ощущение утраты, усиливавшееся на протяжении постсоветской эпохи, привело к масштабному переосмыслению недавнего прошлого, спровоцировав волну ностальгии. Однако и с ностальгией не все так просто. Потому что тоскуют все о разном, а часто и о противоположном. Одни горюют по утраченному равенству, а другие переживают из-за ослабления дисциплины и из-за того, что низы уже не так уважают начальство, как прежде. Одни страдают по поводу реальной, а не вымышленной дружбы между людьми и народами, а другим не дает покоя утраченная «имперскость». Одни с грустью вспоминают духовную свободу советской интеллигенции, другие страдают из-за отмены цензуры. Со своей стороны, власть и правящий класс реагируют на охватившую общество ностальгию и с готовностью используют те или иные элементы советского культурного багажа и советских институтов для решения уже совершенно новых задач. Рынок превращает названия советских товаров в бренды, экономя на их продвижении, администрация предприятий использует не только старое оборудование и кадры, но и остатки традиционных производственных отношений

Предисловие. Загадка советского сфинкса

для контроля над рабочими (радикально меняя при этом задачи производства — от выполнения плана к получению прибыли). А советская привычка к подчинению и старая система доверия и ожиданий, сформировавшаяся по отношению к государству, выступавшему гарантом всевозможных социальных благ и прав, используются теперь, чтобы парализовать сопротивление правительственной политики, которая эти права отменяет, а блага отнимает. В процессе адаптации «советского опыта» в буржуазной и нелиберальной России этот опыт деполитизируется и деидеологизируется, лишаясь значительной части социального содержания. Искусственно обрывается его связь с породившим новое общество революционным взрывом 1917 г., после чего начинает происходить повторная реполитизация и реидеологизация, в ходе которой советская традиция встраивается в исправленную систему авторитарно-консервативных ценностей, призванных укрепить режим «управляемой демократии».

Загадка «советского» состоит не только в противоречивости и двойственности этого исторического опыта, но и в его целостности. В том, что, не осознав противоположности составивших основу советской жизни тенденций, невозможно понять и того, почему эта система, несмотря на все свои пороки и провалы, была столь жизнеспособна. Противостоящие друг другу тенденции до определенного момента дополняли и компенсировали друг друга. Когда потенциал этого конфликтного взаимодействия исчерпал себя, рухнуло и само государство.

Советский Союз, прошедший в течение своей истории целый ряд радикальных поворотов, был крайне противоречивым историческим феноменом, включавшим как наследие европейского Просвещения, так и традиции византийской автократии; как социально-освободительный порыв, так и бюрократическую косность; как репрессии, так и социальную мобильность; как динамизм, так и консерватизм; как развитие, так и застой. Однако именно в новой России все эти эле-

менты с неизбежностью снова приходят в движение и по-своему расщепляются. В этом смысле идеологическая борьба 2010-х годов разворачивается не только и не столько вокруг оценки СССР («за» советский опыт или «против» него), но, скорее, как борьба за советское наследие, борьба за то, какие элементы этого наследия окажутся значимыми и работающими в новой российской (а также в украинской, молдавской, белорусской и т.д.) реальности.

В свое время Ленин применительно к буржуазному обществу высказал известный тезис о «двух культурах» в каждой национальной культуре. Лидер революции доказывал, что в каждом обществе одновременно существуют прогрессивная демократическая и реакционная консервативно-иерархическая культуры, между которыми идет постоянная борьба. Парадоксальным образом эта ленинская формула оказалась в высшей степени применима и к самому советскому обществу. Однако, указывая на наличие «двух культур в одной культуре», идеолог большевизма сознательно или бессознательно избегал упоминания о диалектической связи между ними, о том, что они, находясь в противоречии и борьбе между собой, одновременно являются частями единого целого (иначе бы они и не могли сосуществовать в одном обществе и в одной культурной системе). Сегодня, когда СССР уже нет, эти две советские культуры продолжают борьбу между собой уже в опыте постсоветской капиталистической России. Культура, как это часто бывает, пережила общество, ее породившее, став частью «наследия», работающего уже в другом социально-историческом контексте. Однако именно исчезновение первоначального советского политического и экономического «целого» дает шанс на своего рода «окончательный выбор» в пользу одного или другого варианта советской традиции.

Дискуссия о прошлом становится частью политических дебатов современности, но именно конкретный анализ происходящих перемен позволит ответить

Предисловие. Загадка советского сфинкса

на вопрос о пресловутой «уникальности» советского опыта. В противном случае дискуссия снова рискует скатиться к жонглированию идеологическими догмами и конструированию псевдоисторических мифов, что, собственно, и происходит там, где хозяевами положения оказываются те или иные фракции «системных» политиков.

Задача конференции состояла не в оправдании или разоблачении «советского», даже не в противопоставлении «прогрессивного» наследия «реакционному», а в том, чтобы осмыслить диалектику культурной практики и стихийной борьбы за культурную гегемонию, которую ведут не только оформившиеся общественно-политические силы, но и — в своем повседневном опыте — миллионы людей, даже не сознающие, что своим поведением и постоянным бытовым выбором они тоже творят историю.

© Кагарлицкий Б., 2012

I. Как изучать «советское»

ИРИНА ГЛУЩЕНКО

ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ИЗУЧЕНИИ «СОВЕТСКОГО»

1

Исполнилось двадцать лет как мы живем без Советского Союза. Прошла целая историческая эпоха, и уже успело вырасти поколение, Советского Союза не заставшее. Еще недавно казалось, что советский период закончился, — в социально-историческом плане, конечно, так оно и есть. Эту эпоху все чаще называют «советской Атлантидой». Однако на эмоциональном уровне не все так просто...

«Советское» сознательно культивируется. Интернет полон ностальгических картинок: тут и диафильмы, и игрушки, и трогательные воспоминания о детских играх, пионерах, доброте и отзывчивости, духовности и наполненности, дружбе народов и бескорыстии.

Частичная реабилитация «советского», которая началась в 2000-е годы, представляла собой попытку «встроить» советские ценности в капиталистическую реальность. Советские символы превращались в бренды, приемы советской политической пропаганды использовались для коммерческой рекламы. Происходила деидеологизация советских понятий, образы прошлого были лишены социального содержания. Именно поэтому на первый план вышли мультфильмы, картинки, продукты. Они словно парили в безвоздушном, добром, нейтральном пространстве.

Эту тенденцию подхватил рынок. «Советское» опять окружает нас на каждом шагу. Все эти бесчисленные заведения «со знаком качества», товары, изготовленные

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

«по ГОСТу» (какому ГОСТу, какой страны?), чебуречные, которые гордятся тем, что у них нет сидячих мест, туалетов, сотрудники хамят, но зато чебуреки вкусные. В одном ресторане используют даже образы НКВД. Это стилизация, игра, эксплуатация символов. Торговцу ведь все равно, что продавать. Главное, что есть спрос. Даже наши воспоминания могут быть «услужливой подсказкой ложной памяти», как писал Набоков. Ностальгию начала вызывать даже скука — та страшная, серая, густая, как пыль, скука застойного времени.

Для людей новой эпохи «советское» неожиданно становится своего рода якорем, за который они держатся, чтобы сохранить более или менее прочное представление о своей идентичности.

Сейчас сложился некий стереотип, когда невозможно обсуждать всерьез советское прошлое: любая попытка его спокойно осмыслить расценивается едва ли не как намерение реабилитировать тоталитаризм. Но в то же время у нас появилась гора литературы, которая пытается обелить Сталина, доказать, что террора вообще не было, или воспеть «золотой век» Брежнева.

Можно ли оценивать какую-либо историческую эпоху однозначно? Говоря, например, о сталинских временах, надо иметь в виду трагическую двойственность того периода: с одной стороны, репрессии, с другой — энтузиазм и осознанное и слегка наивное участие людей в создании нового общества. Драматизм эпохи как раз и состоит в сочетании той непомерной цены, которую пришлось заплатить за достигнутый прогресс, и масштабов достижений, плодами которых мы пользуемся до сих пор.

Как считает культуролог Ольга Балла, «историю советской культуры и цивилизации пора выводить из-под ведения идеологии и превращать в нормальный, интонационно спокойный (что, разумеется, не означает ценностно нейтральный) исторический и культурологический анализ. Хочется надеяться, например, на то, что наши отношения с советским на-

следуем вообще будут критически и конструктивно переосмыслены»¹.

2

«Советское» следует рассматривать в динамике, а не как статическое целое. Необходимо выделить и осмыслить различные фазы развития. Жизнь сталинской эпохи радикально отличалась от 1960-х годов, а социально-культурный опыт 1960-х годов, несмотря на некоторое бытовое сходство, содержательно был совершенно иным, чем во времена «застоя».

Общие слова о «тоталитарном обществе» вряд ли помогут разобраться даже со сталинским периодом и тем более заводят нас в тупик, когда речь идет о более поздних временах.

Советское общество эволюционирует от революционной диктатуры через потрясения «великого перелома» к сталинскому тоталитаризму, который не просто смягчается «оттепелью», но и существенно преобразуется, порождая по-своему уникальную посттоталитарную практику, когда сфера свободы в обществе стихийно расширяется, разъедая институты старого порядка, формально сохраняющиеся неизменными.

Эти различия ярко проявляются в сфере культуры, в тех образах, которые мы находим в литературе и кино соответствующего периода, в проблемах, которые волнуют людей. Когда в 1960-е годы происходит реабилитация частной жизни, это воспринимается как своего рода культурное и даже политическое освобождение. А в 1970-е годы частная жизнь становится убежищем от общественного бытия, к которому люди становятся безразличными. Возвращение этого аполитичного индивида в политику в 1980-е годы сопровождалось развалом самого советского общества.

При этом, говоря о советской системе, обычно имеют в виду либо сталинский период, либо брежневский,

¹ Цитата из интервью автора с О. Балла.

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

а принципиальные различия между этапами часто упускают из вида.

3

Необходимо сосредоточиться не на исключительности советского опыта, а, наоборот, на его схожести с мировым.

Так, например, специфика советского кулинарного опыта состоит не в том, что он противостоит мировым тенденциям, а как раз в том, что в СССР эти тенденции были доведены до предела, принимая зачастую гротескные формы.

Принцип машинной организации общества отнюдь не является советским изобретением. Напротив, он продолжает развивать те же концепции, которые зародились еще в Европе в эпоху Просвещения, но наибольшего влияния достигли в США конца 1920-х годов в связи с индустриальными преобразованиями, связанными с именем изобретателя и предпринимателя Генри Форда. Не случайно социологи определяют как фордизм индустриальную организацию Запада начиная с этого периода и вплоть до конца 1970-х годов. Художественным воплощением этого принципа стала знаменитая «машина для кормления рабочих» в фильме Чарли Чаплина «Новые времена». В стандартизации и унификации нет ничего специфически «советского». Специфика проявляется, пожалуй, в форме, с которой проводилась эта политика. Следует отметить, что в СССР любая политика проводилась с невероятной последовательностью и настойчивостью, возможной только в сверхцентрализованной системе, соблюдающей нормы единой идеологии.

4

Одним из подходов к изучению «советского» может быть попытка понять его через повседневность, ис-

пользуя ее как инструмент проникновения в «тайну» «советского».

В условиях отсутствия публичной политической и идейной борьбы советское общество постепенно деполитизировалось. Это отнюдь не значит, конечно, будто идейных и политических противоречий не было. Но они были в значительной мере скрыты и растворены в сфере культуры и повседневности. Именно поэтому мало в каком обществе повседневно-бытовая сфера жизни играла такую большую роль и занимала так много места в сознании людей, как в СССР. Отсюда и логичность попыток понять и расшифровать «советское» именно через изучение повседневности.

Повседневность в советском контексте всегда связана с большими историческими процессами. Советскую повседневность нельзя рассматривать вне контекста революционных социальных преобразований и модернизационной политики.

Однако быт в контексте советской истории не только относится к сфере индивидуального опыта, но и является частью коллективного бытия социальных групп. Борьба за новый быт оказывалась в сознании советских идеологов одним из важнейших фронтов общей борьбы за новый мир. Отделять бытовую жизнь от производственной было нельзя, как недопустимо было бы здесь противопоставлять личное политическому.

«Надо, чтобы каждый понял, что, работая на фабрике-кухне или другом каком предприятии или учреждении, делая какое-нибудь другое нужное дело, он строит, создает и не может, не должен, складывать рук, ибо дело, великое дело освобождения человечества, не может быть сделано без него»². Это было написано в журнале «Работник народного питания», выходявшем в 1919 г. Удивительно, насколько мала дистанция от фабрики-кухни до «большой истории». Удивительно и четкое понимание исторического масштаба происходящих событий.

² Работник народного питания. 1919. № 5–6. С. 17.

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

«На нашу долю — долю работников народного питания и общежитий — выпала, может быть, самая сложная и ответственная задача. Мы должны урегулировать производство питания и, таким образом, фактически спасти пролетариат от физического вырождения. Если мы не справимся с этой задачей, то вся ответственность перед историей падет на нас, ибо только мы окажемся виновными».

Статья заканчивается ясным осознанием того, что повседневная деятельность работников питания является частью исторической драмы.

«История безусловно осудит всех тех, кто так низко представляет себе дело народного питания. Мы уверены, что пролетариат не пойдет за теми, кто говорит ему о старом, гнилом прошлом. Он пойдет по пути новой эры, по пути строительства новой жизни на коммунистических началах»³.

5

Советское общество никогда не было однородным. Представление о его однородности культивируется одновременно двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, ностальгические рассказы о советских людях вообще, которые как будто все обладали одинаковыми качествами и возможностями. А с другой — образ серого репрессивного тоталитарного общества, где все являются то ли одинаковыми винтиками, то ли унылыми жертвами системы.

На самом деле советское общество невозможно понять без осмысления существовавшей в нем социальной дифференциации. Тот факт, что дифференциация эта качественно отличалась от капиталистической, отнюдь не означает, будто ее не было вовсе.

Изучая «советское», важно уточнить, о какой социальной категории идет речь. То ли это советский аналог городского среднего класса — те, у кого с 1930-х годов

³ Работник народного питания. 1919. № 5–6. С. 18–19.

была комната в коммуналке или, как минимум, угол, то ли колхозное крестьянство, подвергнутое при Сталине тотальному закрепощению, то ли миллионы обитателей бараков или, наконец, заключенные, насильственно изъятые из сферы потребления. И не следует забывать о партийно-государственной номенклатуре и связанных с ней разнообразных привилегированных группах.

Как отмечает финский исследователь Юкка Гронов, сталинское общество, несмотря на свою эгалитаристскую идеологию, было даже более иерархично, чем вариант советского общества, существовавший в 1960-е годы. Однако уже тогда декларативный эгалитаризм советской системы требовал утверждения в общественном сознании общедоступных и признанных норм массового потребления, которые отражали бы переход к «изобилию», «зажиточности» и «хорошей жизни»⁴.

Привилегированные группы творческой интеллигенции, например, возникшие при Сталине, жили в Советском Союзе лучше остальных. И их это, кажется, не смущало. Они были уверены, что достойны всего этого за свои заслуги. Членство в творческих союзах давало право и на продуктовые заказы, и на дома творчества, и на специализированные поликлиники, и, конечно, на жилье — режим расплачивался с людьми, которые отвечали за идеологию.

Мой свекор в начале 1960-х стал членом Союза писателей. Некоторое время спустя у них в доме собрались гости. Пришла и его мать. Среди гостей был человек, не знакомый с особенностями писательской среды. «А что это значит — быть членом Союза писателей?» — спросил он. Свекор стал было что-то наивно объяснять про признание его заслуг и про почетность этого членства. «Это значит, — перебила его мать, — что отныне я смогу лечиться в поликлинике Литфон-

⁴ См.: Gronow J. *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia*. Oxford, N.Y.: Berg, 2003.

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

да, ездить в специальные дома отдыха и пользоваться услугами ателье!»

6

И наконец, изучая «советское», нельзя забывать о характерной для той культуры и идеологии двойственности, заключающейся в смешении идеального и реального, утопического и практического.

Ничто так не противоположно быту, как утопия. Но в советскую эпоху утопическое сознание было частью повседневной жизни. Движение к утопическому идеалу являлось целью общества, причем целью, которая не была просто навязана сверху, но и приветствовалась снизу. Именно постоянное присутствие этого идеала позволяло людям мириться со многими неудобствами и тяготами повседневности, относиться к ним как к чему-то временному и сохранять идеалистические настроения, явно находившиеся в противоречии с тем бытом, в который люди были погружены.

Считается, что официальная советская пропаганда идеализировала и приукрашивала быт, а потому задача исследователя состоит в том, чтобы противопоставить быт и идеологию. Достается и произведениям искусства — взять хотя бы знаменитый фильм Пырьева «Кубанские казаки». Однако и эта идеология, и это искусство тоже были частью повседневной жизни советских людей; они формировали их отношение к миру, потребности, идеалы и бытовое поведение. Проблема состоит не в том, чтобы показать, насколько картина жизни, изображенная в этих произведениях, расходилась с повседневным опытом, а в том, чтобы понять, почему, несмотря на столь очевидное противоречие, подобные фильмы и книги пользовались успехом.

Как объяснял А.В. Луначарский, не обязательно показывать то, что есть, важно, чтобы читатель или зритель получил представление о том, что будет, что в итоге получится.

«Представьте себе, что строится дом, и, когда он будет выстроен, это будет великолепный дворец. Но он еще недостроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете: “Вот ваш социализм — а крыши-то нет”. Вы будете, конечно, реалистом, вы скажете правду. Но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда. Социалистическую правду может сказать только тот, кто понимает, какой строится дом, как строится, и кто понимает, что у него будет крыша. Человек, который не понимает развития, никогда правду не увидит, потому что правда — она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда — это завтрашний день, и нужно видеть ее именно так»⁵.

Границы между мифом и реальностью в советском коллективном сознании не только условны, но и подвижны. Картина советской жизни включала то, что должно быть, то, что есть, и то, что будет, — и все это существует одновременно. Утопическая мечта воплощается в практику, а утопия превращается в реальность. И с этого момента она перестает быть утопией. Утопия растворяется в реальности и сама постоянно эволюционирует.

Литературовед Юрий Щеглов, анализируя романы И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», обращал внимание на то, что «оптимистический настрой романов обеспечивает... двухъярусное строение их мира. Идеальные сущности истинного социализма занимают в нем иерархически-доминирующее положение, образуя уровень, на котором многие из несовершенств советского образа жизни снимаются или обезвреживаются. Оказывается, что детали “земного социализма”, представляющие собой столь неутешительную картину, не могут считаться

⁵ Луначарский А.В. Социалистический реализм. В сб.: А.В. Луначарский о театре и драматургии. М.: Искусство, 1958. Т. 1. С. 735.

I. КАК ИЗУЧАТЬ «СОВЕТСКОЕ»

главной или окончательной реальностью, и что точка зрения раздраженных ими людей, хотя по-своему и понятная, не есть последняя инстанция о производимом в России грандиозном эксперименте. Над этой точкой зрения, в разреженных сферах истинного социализма, открывается возможность иного — более широкого — взгляда на вещи, более высоких требований к жизни, более интересных представлений о счастье»⁶.

Американский историк Стивен Коэн в книге о возвращении жертв ГУЛАГа отмечает стремление значительной части из них восстановиться в Коммунистической партии. Многочисленные интервью, которые он собрал у «возвращенцев», свидетельствовали о том, что эта потребность была вызвана не только конформизмом или страхом перед новыми репрессиями, а представлением о том, что участие в «коммунистическом строительстве» — часть нормальной жизни советского человека⁷.

Коммунистический проект в начале 1960-х все еще был органической частью советской культуры. Его разложение и дискредитация, нараставшие в последующие годы, были предзнаменованием распада советского образа жизни как такового.

© Глущенко И., 2012

⁶ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 12.

⁷ Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. М., 2011.

Авторы

Борис Кагарлицкий — директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО)

Ирина Глущенко — доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Евгений Добренко — профессор Шеффилдского университета (Великобритания), филолог и историк советской культуры

Александр Шубин — доктор исторических наук

Павел Кудюкин — доцент кафедры теории и практики государственного управления НИУ ВШЭ

Татьяна Круглова — доктор философских наук, профессор кафедры эстетики философского департамента УрФУ

Роман Абрамов — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ

Елена Галкина — историк, политолог, доктор исторических наук, профессор кафедры истории МПГУ

Олег Кильдюшов — независимый аналитик, переводчик, публицист, политический обозреватель журнала «Сократ»

Олег Неменский — научный сотрудник Института славяноведения РАН

Анна Рябова — аспирантка кафедры уголовного права НИУ ВШЭ

Мария Вагина — студентка магистратуры отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Александр Павлов — кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии философского факультета НИУ ВШЭ

Анна Ганжа — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Иван Куликов — студент IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Гиляна Басангова — студентка IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Елена Кужель — студентка IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Мария Мирская — студентка IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Петр Мазаев — аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Елизавета Подшивалова — студентка IV курса отделения культурологии НИУ ВШЭ

Арина Карпова — студентка IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Татьяна Ворожейкина — независимый исследователь

Анна Очкина — заведующая кафедрой социальных теорий и технологий Пензенского государственного педагогического университета. Социолог, сотрудник ИГСО

Виталий Куренной — профессор, заведующий отделением культурологии НИУ ВШЭ, научный редактор журнала «Логос»

Конец ознакомительного фрагмента

Полная версия книги доступна на litres.ru ➤

Научное издание

Серия «Исследования культуры»

СССР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

НАДЕЖДА АНДРИАНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

НАДЕЖДА АНАНЬЕВА

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Влада Юрашко «Балет» (холст, масло),
2011 (частная коллекция)*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (495) 611-15-52

Подписано в печать 29.08.2012. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 13,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1603. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685
www.oaompk.ru